

В. В. Попов

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ ОФИЦИАЛЬНОГО ТОЛКОВАНИЯ ПРАВА

В статье рассматриваются проблемы корректности признания обязательности официального толкования права. В основу анализа существующих точек зрения положены тезисы о разграничении фактического и нормативного, об особенностях логического вывода нормативных суждений, а также классические для философии права особенности предмета правового регулирования. Делаются выводы о некорректности признания официального его толкования прецедентным правом, а также о признании самостоятельной обязательности официального толкования. Предлагается включение официального толкования в формирование права через правообразование и правотворчество. Кроме того, показывается его место в обыкновениях единообразия правоприменительной практики.

Ключевые слова: толкование права, официальное толкование права, обязательность толкования права, интерпретационные нормы, прецеденты толкования, обыкновения, применение права.

V. V. Popov

ABOUT SOME PROBLEMS OF OBLIGATORINESS OF THE OFFICIAL INTERPRETATION OF LAW

The article deals with the problems related to reasonableness of acknowledgement of the official interpretation of law. The analysis of the existing points of view is based on the theses about distinction between the factual and the regulatory, about peculiarities of logical formulation of regulatory judgments as well as specific features of the subject matter of legal regulation that are typical for philosophy of law. The author draws conclusions about incorrectness of acknowledgement of its official interpretation by judge-made law as well as about acknowledgement of independent obligatoriness of the official interpretation. The author offers to include the official interpretation into the creation of law via law-forming and law-making. Besides, the article shows its place in the realities of the law enforcement practice uniformity.

Keywords: law interpretation, official interpretation of law, obligatoriness of law interpretation, interpretation standards, interpretation precedents, realities, law enforcement.

Одним из важнейших видов толкования, выделяемых юридической наукой и практикой, является официальное толкование права.

Вопрос об обязательности официального толкования права актуален в силу того обстоятельства, что позволяет существенным образом изменять направленность правовой политики, позволяя различным образом решать вопрос о том, какими именно государственно-властными полномочиями наделять того или иного субъекта.

В отечественной юридической литературе практически общепризнанным является признание обязательности официального толкования права. Следует отметить, что само происхождение указанного латинского термина «*officialis*» (должностной, служебный) может подталкивать к такому пониманию.

В 40—50-е гг. в отечественной юридической

литературе за высшими судебными инстанциями признавались правотворческие полномочия, а издаваемые ими акты толкования права считались источниками права [1].

Вместе с тем позднее, как отмечает А. Ф. Черданцев, «...по мере обновления законодательства и ...укрепления законности отмеченная точка зрения отвергнута...» [2, с. 150].

Однако вряд ли можно согласиться с тем, что данная точка зрения была отвергнута фактически и повсеместно. Точнее было бы сказать, что в большинстве случаев изменилась терминология и несколько сместились смысловые приоритеты при рассмотрении природы данного вида толкования права в аспекте обязательности. В частности, ученые говорили о прецеденте толкования правовой нормы (А. Б. Венгеров), об интерпретационных нормах (С. С. Алексеев).

В процессе развития постсоветской

юридической науки и практики, когда возникли новые возможности для широкого изучения зарубежной науки и практики, в российской науке, да и юридической практике стал очевиден «обратный крен» как явное признание обязательности официального толкования права. Во многом это объясняется знакомством с юриспруденцией семьи общего права. Немалую роль сыграло и повышение авторитета судебной власти. Недаром, высказывая свою позицию по данному вопросу на встрече в декабре 2010 г. с судьями Конституционного суда РФ, экс-президент РФ Д. А. Медведев отметил, что Конституционный суд РФ — это источник права, которому государство помогает укреплять авторитет [3, с. 3].

Впрочем, различное решение вопроса об обязательности официального толкования — это не только теория.

В ст. 56 закона РСФСР «О судостроительстве РСФСР» от 8 июля 1981 г. указывалось на обязательность руководящих разъяснений Пленума Верховного суда РСФСР. При этом делалось два уточнения:

1) по адресатам обязательности — «для субъектов, применяющих закон, по которому дано разъяснение», и

2) по объекту разъяснения — «по вопросам применения законодательства РСФСР».

В ст. 126 Конституции России 1993 г. осуществлен отход от такой позиции. Речь идет уже просто о «разъяснениях» Верховного суда Российской Федерации «по вопросам судебной практики».

«Обратный отход», т. е. признание обязательности толкования, находит свое законодательное закрепление в отношении толкования, даваемого Конституционным судом Российской Федерации, и некоторых законодательных органов субъектов РФ.

В частности, в ст. 106. Федерального конституционного закона «О Конституционном суде Российской Федерации» от 21 июля 1994 г. № 1 ФКЗ сказано, что даваемое Конституционным судом РФ толкование конституции является обязательным. Круг адресатов данной обязательности довольно широк — представительные, исполнительные и судебные органы государственной власти, органы местного самоуправления, предприятия, учреждения, организации, должностные лица, граждане и их

объединения.

В ст. 41 закона Волгоградской области «О законах и иных областных нормативных правовых актах» от 1 октября 2002 г. № 736 ОД говорится: «Официальное толкование законов и иных областных нормативных правовых актов есть властно-обязательное разъяснение законов и иных областных нормативных правовых актов или их предписаний правомочным нормотворческим органом области».

Вместе с тем теоретические предпосылки таких установлений представляются весьма сомнительными.

Можно вполне согласиться с В. В. Лазаревым, когда он отмечает, что, по сути, все другие субъекты в той мере, в какой они причастны к рассмотрению дел, могущих в дальнейшем быть объектом судебного разбирательства, руководствуются актами судебных органов [4, с. 14]. Однако нетрудно заметить, что при таком подходе происходит смешение вопросов о факте и норме — о том, чем фактически соответствующий субъект руководствуется при толковании и применении права и чем он *должен* руководствоваться.

В данной связи совершенно очевидна правота А. В. Малько и Е. Г. Тутыгиной в том, что обязательность разъяснений Верховного суда РФ для судов общей юрисдикции является фактической [5, с. 2], но, во-первых, не следует забывать, что отличия предписаний от обыкновений, т. е. норм от типичных фактов весьма существенны, а во-вторых, в контексте данной статьи речь идет о поиске именно юридической обязательности.

В то же время признать в качестве аргументов, доказывающих обязательность официального толкования права и отнесение ее к источникам права, формальную определенность и неперсонифицированность, не представляется возможным [5, с. 2]. Неперсонифицированность официального толкования права никаким образом не порождает его обязательность, поскольку имеет отношение лишь к способу формулирования некой информации, причем информация может быть любой.

Формальная определенность точно так же не порождает какой-либо обязательности, потому что характеризует лишь способ изложения некой информации.

Симбиоз формальной определенности и

неперсонифицированности как попытка найти системную связь и ее новые качества также не формирует новых свойств какой-либо информации в аспекте получения ею статуса предписывающей (обязательной).

Обосновывая существование обязательности следования официальному разъяснению правовых норм, нередко говорят о силе авторитета этого разъяснения [6, с. 5]. Представляется несомненным, что разъяснения, даваемые высшими судебными инстанциями, можно считать очень авторитетными. Уже не один десяток лет существует Научно-консультативный совет при Верховном суде РФ, разрабатывающий рекомендации по вопросам судебного толкования законов [7]. Однако из того, что разъяснение норм права было дано авторитетным органом, вовсе не вытекает, что это порождает юридическую (равно как и любую другую) обязанность следовать данному разъяснению.

Следующим аргументом является то, что «неопровержимость, доказанность выводов из общеобязательных законов делает общеобязательными и сами выводы из законов». Принять данное утверждение в качестве интересующего нас аргумента невозможно, поскольку:

1) процесс доказывания используется (выражаясь упрощенно) для того, чтобы вывести одни истинные суждения из других;

2) фундаментальным положением формальной и модальной логики является то, что никакое *предписание* (а значит и юридическое тоже) не может быть ни истинным, ни ложным. Необходимо отметить, что некоторые ученые-правоведы придерживаются иного мнения, признавая за нормами права истинность [8].

Впрочем, похожая точка зрения иногда встречалась и в философской литературе (главным образом, в советской методологической интерпретации марксистско-ленинского учения), когда также указывалось на допустимость истинностной оценки норм [9].

Самое большее, что представляется возможным выдвинуть в данном случае в качестве контраргумента — это указать, что некоторые ученые, вероятно, придерживаются *неклассической* концепции истины особого характера. Автор настоящей работы придерживается именно классической концепции истины, предложенной еще Аристотелем и до сих

пор используемой в логике (с небольшими уточнениями, которые существенно не меняют первоначальную идею). Именно поэтому авторская позиция заключается в том, что нормы права не могут быть истинными или ложными именно в смысле классической концепции истины.

Это означает, что из правовых норм истинные суждения вывести никак нельзя. Если же считать, что истинные суждения были все же некоторым образом получены (но только не из норм права), то совершенно не имеет смысла приписывать какую-либо обязательность этим суждениям как таковым. В противном случае они просто перестанут быть (истинными) суждениями, поскольку превратятся в некие *предписания*.

Называть официальное толкование формой права в виде прецедента достаточно сложно. Сам судебный прецедент понимается неоднозначно, на что совершенно справедливо указывает Н. М. Марченко [10].

Иными словами, не все, что принято называть юридическим (судебным) прецедентом, имеет юридическую силу. Между тем в нашем случае мы рассматриваем юридические прецеденты, являющиеся именно формой права, т. е. содержащие в себе правовые нормы, а следовательно, имеющие юридическую силу.

Иногда объяснение дается через наделение акта официального толкования качествами прецедента, когда предложенное толкование будет использовано в качестве примера для будущего толкования, причем данный пример признается формально обязательным, и даже общеобязательным [2, с. 143]. Однако при этом же утверждается, что о норме права в форме судебного прецедента в данном случае речь все же не идет. Конструктивизм данного подхода представляется ограниченным в силу его непоследовательности, поскольку традиции словоупотребления в отечественной юриспруденции таковы, что термин «общеобязательный» используется для обозначения обязательности именно юридической.

Ряд ученых предлагает некую срединную позицию. Например, через указание на то, что решения Конституционного суда Российской Федерации, содержащие официальное толкование Конституции, с одной стороны, «приобретают прецедентный характер и

становятся источниками права» [11, с. 3, 4], поскольку они дают общеобязательное, нормативное толкование Конституции, а признается, что это «и не прецеденты, и не преюдиция в чистом виде ни для самого Конституционного суда, ни для других органов» [11, с. 3].

В некоторых случаях «срединность» распределяется на более общие признаки, характеризующие официальное толкование права, например через указание на «поднормативность» [4, с. 7—9] такого толкования вместо нормативности, «определенную степень обязательности» [12, с. 28] вместо обязательности. Однако такие подходы также не выглядят в данной ситуации удачными.

Не может быть обязанности, обязательности «немного». Это дискретная, ступенчатая, а не аналоговая характеристика, т. е. данное свойство либо есть, либо его нет. У обязательности не бывает степеней. Кроме того, свойство «быть юридической» также степеней не имеет, т. е. обязанность не может быть юридической «в некоторой степени». Она может либо являться юридической, либо не являться. Именно поэтому конструктивным является либо признание, либо непризнание наличия юридической обязательности официального толкования права.

Кроме того, указание на «властно-обязательный», «государственно обязательный» и подобный характер официального толкования права вряд ли добавляет ясности в данный вопрос. По меньшей мере, подобный подход порождает необходимость различения юридической обязательности и властной, государственной обязательности. Возможно наоборот — потребуется обоснование тождественности указанных понятий. Кроме того, при таком отождествлении потребуется обосновать отступление от такого принципа теории отношения именования (теория Фреге—Рассела), как однозначность именования. Имя должно иметь только один денотат. Соблюдение данного принципа позволяет избежать логических ошибок, что крайне необходимо для построения любой теории.

Таким образом, решение вопроса о юридической обязательности официального толкования права следует решать, во-первых, однозначно, а во-вторых, через несколько иную систему аргументации.

При этом не следует забывать, что в вопросах поиска оснований некой обязательности вообще нет нужды логического вывода. Сама логическая природа любых норм допускает их произвольное (в смысле отсутствия логического вывода в строгом смысле слова) установление. Соответственно, говоря о признании юридической обязательности официального толкования, необходимо отметить, что можно выдвигать данное утверждение в рамках юридической науки без использования какого-либо логического вывода. Например, можно просто описывать некоторую государственно-правовую действительность, т. е. говорить о такой обязательности как о данности, тем более что российское законодательство содержит образцы такой действительности.

В этой связи хочется отметить, что, конечно, законодатель, поскольку он имеет соответствующую власть, волен наполнять издаваемые им веления *любым* содержанием, а затем называть эти веления правовыми нормами. Ограничение свободы в определении содержания этих велений будет реально предопределяться лишь формируемым на основании установления их социальной полезности или вредности, разумности или неразумности, лимитом терпимости к законодателю со стороны тех сил, которые действительно способны лишить его власти либо ограничить его в реализации этой власти.

Что же касается юридической науки, то можно в ее рамках называть нормами права то, что (пусть не явно) называет таковыми законодатель, хотя в данном случае в соответствующем разделе научной дисциплины возникнут проблемы семантического характера, ставящие под сомнение либо научность данной дисциплины, либо собственно критерии признания ее наукой.

Приняв такое допущение о наличии таких предписаний, а также относительно наличия у них юридических свойств, можем также признавать вслед за законодателем юридическую обязательность следовать разъяснению смысла норм права и т. д.

Однако новой проблемой станет то обстоятельство, что сохранение последовательности этого рассуждения приведет к весьма серьезной ошибке в выводе. Если проанализировать высказывания о том, что «обязательным ...может быть лишь то или иное

понимание (курсив наш. — В. П.) закона...» [2, с. 142], что официальное толкование права — это «официальное веление правоприменительного органа относительно *понимания*... (курсив наш. — В. П.) права...» [4, с. 8], то мы приходим к любопытному выводу: сложно отрицать тот факт, что *понимание* является *мыслительным* процессом. И в данном случае говорится о предписании, причем о предписании юридическом по поводу того, как норму права *понимать*. Иными словами, это предписание о том, как *мыслить*. Подобный подход и является ошибочным, поскольку, по мнению автора, гораздо правильнее было бы признать вслед за такими классиками философии права, как И. Кант [13, с. 20, 21] и Г. В. Ф. Гегель [14, с. 429—432] то, что право призвано регулировать *не мышление, а (внешнее) поведение* людей.

Думается, что избежать подобной ошибки можно лишь *не* признавая за официальным разъяснением права способность порождать *самостоятельную юридическую обязанность* следования этим разъяснениям. Но, дабы не потерять определенный конструктивный потенциал выделения таких видов толкования права, как официальное и неофициальное, следует несколько иначе решать вопрос о связывающей силе официального толкования, о его обязательности.

Даваемое разъяснение можно признавать легальной дефиницией. При этом не следует говорить о самостоятельной дефинитивной норме, как это обычно принято в отечественной юриспруденции. В противном случае такое расширение предметной области термина «нормы права» лишит данное понятие именно тех конструктивных признаков, которые позволяют адекватно описывать одно из фундаментальных правовых явлений.

Более корректным представляется подход, когда даваемые разъяснения будут являться не самостоятельными юридическими нормами, а составными частями соответствующих норм. Однако здесь не следует забывать о проблеме сугубо практического, политического характера.

Нетрудно заметить, что речь в таком случае пойдет уже о формулировании правовой нормы, какими бы оговорками не обставлялось подобное формулирование. В таком случае нельзя не согласиться с В. М. Сырых, который, по сути, отождествляет аутентическое толкование и

правотворчество [15, с. 233].

В данном случае положение ст. 43 закона Волгоградской области «О законах и иных областных нормативных правовых актах» от 1 октября 2002 г. № 736 ОД о том, что официальное толкование нормативно-правовых актов осуществляется органами, их принявшими, выглядит совершенно логичным и последовательным. Поскольку речь идет о правотворчестве, то аутентичное толкование является фактически единственным вариантом официального толкования.

Вместе с тем можно понять опасения В. С. Нерсисянца, называвшего аутентическое толкование неправовым, даже если подобное опасение все же относить к иным видам официального толкования права [16, с. 501, 502].

Именно поэтому в данном вопросе сложно согласиться с тем, что «правотворчество представляет собой универсальный вид юридической деятельности, свойственный органам публичной власти как таковым» [5, с. 2].

Скорее прав В. С. Нерсисянц, не признавший за отечественными судами правотворческих полномочий [17], поскольку в противном случае девальвируются и конструктивное начало принципа разделения властей, и сама законодательная процедура. Думается, что в нынешней непростой политико-идеологической реальности заимствование опыта англо-американской правовой семьи — это не самый конструктивный путь развития российской государственно-правовой системы.

Вместе с тем необходимо учитывать авторитет и значимость судебной власти в толковании права и иных сферах юридической деятельности. В этой связи представляется целесообразным рассматривать официальное судебное толкование права как:

1) источник формирования правовых норм. Иными словами, не как форму выражения, бытия нормы права, а как один из факторов, наряду с иными факторами — политического, экономического, идеологического и другого характера, которые лежат в основе процесса правообразования;

2) вполне возможно, признавая необходимость единообразия толкования и применения права, использовать имеющиеся апелляционные процессуальные средства построения достаточно единообразного правоприменения через

единообразное толкование права. Для этого вполне достаточно осознания (например) судьей того факта, что решение, идущее вразрез с позицией (например) Верховного суда РФ, будет с высокой степенью вероятности отменено. И фактически мы вполне можем наблюдать строгость и четкость следования разъяснению значения и смысла правовых норм.

Чем предопределяются эта строгость и точность? Факторов здесь несколько. Упрощая схему, можем условно выделить авторитетность и авторитарность. Авторитетность основана на признании ценности, на позитивной мотивации. Авторитарность — на негативной мотивации, на нежелании претерпевать официальные либо неофициальные неблагоприятные последствия отказа следовать разъяснению значения и смысла текста правовой нормы.

В любом случае и авторитетность, и авторитарность включают механизм добровольного самообязывания. С логической точки зрения данное самообязывание — явление сугубо субъективное, произвольное (в нейтральном смысле данных терминов). По сути, это реализация правоприменительного усмотрения.

Строгость и точность следования разъяснению, основанные на авторитарности, определяются именно степенью вероятности включения вновь рождаемого правоприменительного акта (либо иного документа) в существующую систему правовой интерпретации. Данная интерпретация отражена в системе правовых предписаний как общего, так и индивидуализирующего характера правоприменительных решений. Это могут быть правовые позиции и подобные им явления. Подобная интерпретация может быть выражена и в обыкновениях правоприменительной деятельности.

При должной работе факторов авторитетности и авторитарности могут порождаться новые обыкновения (но не обычаи!) следования официальному толкованию права, т. е. повторяющаяся практика фактически следовать данному толкованию.

Важно понимать различие подобной «фактической обязанности» от обязанности юридической. В своей онтологической основе это различие между должным и сущим. Различия в «механизме работы» юридического обязывания и наиболее близкого к нему «фактического авторитарно обоснованного самообязывания»

применительно к «мотивации интегративности» (включения в систему «практической интерпретации») сводятся к следующему. У юридической обязанности степень вероятности отмены решения явно незаконного, идущего вразрез с нормой субъекта правотворчества, гораздо выше, чем в отношении отклонения от толкования, т. е. отклонения от «фактической обязанности», ведущего к отклонению от соответствующих обыкновений юридической практики.

Вместе с тем реализуемость такой «фактической обязанности» очень сильно зависит от усмотрения, реализуемого правоприменителем, причем от усмотрения *законного*, дающего широкие *юридические* возможности подобную фактическую обязательность игнорировать.

Список библиографических ссылок

1. Ходунов М. С. Судебная практика как источник права // Социалистическая законность. 1956. № 6. С. 32; Каминская В. И. Роль Верховного суда СССР в развитии советского социалистического права // Сов. гос-во и право. 1948. № 6. С. 43; Вильнянский С. И. Лекции по советскому гражданскому праву. Харьков, 1958. С. 60; Исаев М. И. Судебная практика Пленума Верховного суда СССР как источник советского уголовного права // Ученые записки ВЮОН. 1947. Вып. 5. С. 75.
 2. Черданцев А. Ф. Толкование норм советского права. М., 1979.
 3. Российская газета. 2010. 13 дек.
 4. Лазарев В. В. Правоположения: понятие, происхождение и роль в механизме юридического воздействия // Правоведение. 1976. № 6.
 5. Малько А. В., Тутынина Е. Г. Акты Верховного суда Российской Федерации как важнейшие средства судебной политики [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 6. Братусь С. Н. Судебная практика в советской правовой системе. М., 1975.
 7. Положение о Научно-консультативном совете при Верховном суде РФ. Утверждено постановлением Пленума Верховного суда РФ от 11 декабря 1968 г. № 45. Ст. 2.
 8. Баранов В. М. Истинность норм советского права: проблемы теории и практики. Саратов, 1989.
 9. Архангельский Л. М. Наука и нормы: альтернатива или единство? // Вопр. философии. 1979. № 3.
 10. Марченко М. Н. Особенности судебного прецедента в системе романо-германского права // Гос-во и право. 2006. № 8. С. 22—28.
 11. Зорькин В. Д. Прецедентный характер решений Конституционного суда Российской Федерации // Журнал рос. права. 2004. № 12.
 12. Братусь С. Н., Венгеров А. Б. Понятие, содержание и формы судебной практики // Судебная практика в советской правовой системе. М., 1975.
 13. Кант И. Метафизика нравов: в 2-х ч. // Немецкая классическая философия. М., 2000. Т. 1: Право и свобода.
 14. Гегель Г. В. Ф. Философия права // Немецкая классическая философия. М., 2000. Т. 1: Право и свобода.
 15. Сырых В. М. Теория государства и права. М., 1998.
 16. Нерсисянц В. С. Общая теория права и государства. М., 2002.
 17. Нерсисянц В. С. У российских судов нет правотворческих полномочий // Судебная практика как источник права. М., 2000. С. 107—112.
- © Попов В. В., 2013